

УДК 569.614 (4/5) + 929

ОЧАРОВАННЫЙ СЛОНОМ

Н.В. Гарутт

РЕЗЮМЕ

Приведено описание детства и основных этапов жизни Вадима Евгеньевича Гарутта, а также судьбы его родителей. Показаны этапы становления его как специалиста по современным и ископаемым животным, в том числе и слонам. Его судьба тесно сплелась с историей России XX века. На нее повлияли и революционные события в России, и Великая Отечественная война, эвакуация и непростые послевоенные годы, перенесенные контузия и тяжёлые болезни. Начиная со школьного возраста, когда он посещал кружок юных зоологов и подрабатывал в Ленинградском зоопарке, жизнь сталкивала его с интересными людьми и ситуациями, которые позволили Гарутту стать специалистом в области морфологии и эволюции мамонтов и других хоботных четвертичного периода. Немаловажную роль в его судьбе сыграли такие личности, как Б.В. Пестинский, А.П. Быстров, Ю.А. Орлов, Л.В. Опанин, М.М. Герасимов, Б.Е. Быховский и другие учёные. Помимо изучения зубов и костных остатков древних слонов, он осуществлял активную музейную работу, монтаж и реставрацию скелетов ископаемых слонов и носорогов. Результаты его исследований опубликованы в ряде важных монографий и статей, имеющих важное значение для систематики евразийских хоботных и биостратиграфии плейстоцена.

FASCINATED BY THE ELEPHANT

N. V. Garutt

ABSTRACT

The description of childhood and the main stages of life of Vadim Evgenevich Garutt, as well as the fate of his parents, is given. The stages of making up of his personality as a specialist on modern and ancient animals, including elephants, are shown. His fate is closely intertwined with the history of Russia of the 20th century. It was influenced by revolutionary events in Russia and the Great Patriotic War, evacuation and difficult post-war years, suffered contusion and serious illnesses. Beginning from the school age, when he visited a study group of Young Zoologists and worked up at the Leningrad Zoo, the life confronted him with interesting people and situations that allowed Garutt to become an expert in morphology and evolution of mammoths and other Quaternary proboscideans. Such personalities as B.V. Pestinsky, A.P. Bystrov, Yu.A. Orlov, L.V. Oshanin, M.M. Gerasimov, B.E. Bykhovsky and other scientists played an important role in his fate. In addition to studying the teeth and bone remains of ancient elephants, he carried out an active museum work, mounting and restoration of fossil elephants and rhinoceroses' skeletons. The results of his research are published in a number of important monographs and articles that are important for the systematic of the Eurasian proboscides and biostratigraphy of the Pleistocene.

Научный руководитель кандидатской диссертации отца, известный палеонтолог, замечательный рисовальщик, профессор Алексей Петрович Быстров как-то посвятил юмористическую поэму своему ученику, Вадиму Гарутту, и один абзац мог бы быть хорошим эпитафием к его жизнеописанию:

*«Жизнь прожить нельзя беспечно,
Жизнь сложна для всех, конечно,
И всегда полна труда
И бегут, бегут года
Год за годом торопливо.
Счастья ждем мы терпеливо
И в пустых мечтах о нем*

*Так проводим день за днем,
Жизнь, конечно, мы торопим,
Горе часто в водке тотим,
О любви порой твердим,
Воду пьем и хлеб едим.»*

До научных трудов отца, как и полагается, предшествовало его рождение, пора детства и юности. Родился он в г. Евпатории 12 октября 1917 г., потому что его мама, Юлия Никифоровна Гарутт, решила уехать подальше из бурлящего революционными событиями Петрограда: подумала, что Крым будет самым спокойным местом для рождения ее ребенка, и напрасно: с риском для жизни она выбиралась потом в Петроград. При себе у нее имелись два документа: один – старый, что она – жена офицера царской армии, а другой – новый, что она жена красного командира. Оба документа соответствовали правде: Евгений Александрович Гарутт перешел на сторону красных и стал преподавать курсантам в артиллерийском училище. Товарищи по старой царской службе осудили его и пригрозили, что повесят на фонарном столбе, когда займут Петроград. Ответ Евгения Гарутта был таким: *«Мир раскололся на две части, возврата к старому долго не будет»*, и он оказался провидцем. И вот с этими документами Юлия Никифоровна неделю добиралась с сыном до дома. Не успели они отъехать от Евпатории, как поезд стали останавливать то белые, то красные: проверяли документы, выводили из вагона людей группами и расстреливали. Дошла очередь однажды до них, и Юлия Никифоровна в спешке и волнении подала белому офицеру документ, думая, что это тот, который нужно. Тот посмотрел на нее и младенца долгим взглядом, обернулся к вооруженной охране и сказал: *«Тут все в порядке, идем дальше»*, и они двинулись по проходу. Она взглянула на только что проверенный белогвардейским офицером документ и обмерла от ужаса. Оказывается, она подала офицеру не тот документ, а свидетельствующий, что она – жена красного командира. Так судьба оказалась благосклонна к Вадиму Евгеньевичу Гарутту в главном: они с мамой остались живы и благополучно добрались до дома.

Дальше потянулись трудные голодные годы в Петрограде. От шести доходных домов, принадлежавших его бабушке, Анне Дмитриевне Матвеевой, жене купца второй гильдии

Никифора Матвеевича Матвеева, осталась лишь квартира на углу Вульфовой и Большой Дворянской улицы. Ныне этот дом называется «домом Орбели» в честь советского академика, искусствоведа И.А. Орбели, директора Эрмитажа (1934–1951 гг.), благодаря усилиям которого спасали коллекции музея в первые дни войны. Бездетная тетя Леля (Елена Матвеевна) высылала из далекого Ташкента посылки и небольшие деньги для своей матери – бабушки маленького Вадима, которые та отдавала своей младшей дочери Юлии, чтобы поддержать ее с сыном. У старшей дочери Александры оба сына (Виктор и Леонид) тяжело болели туберкулезом, и она все ценные вещи обменивала на продукты для них. Голод делал свое дело, туберкулезом заболел и Вадим, часто температурил. Практикующий частный доктор Барбарин говорил лишь его матери, прослушивая Вадима, что у него в легких «фокусы». Юлия Матвеевна мало что в этом понимала и ухаживала за сыном как могла, и только при поступлении в университет у него были обнаружены затянувшиеся и залеченные самим организмом каверны.

Отец Вадима мало помогал семье. Сам тяжело больной костным туберкулезом, он ушел из семьи к бездетной даме, которая хорошо готовила. Когда Вадиму исполнилось три года, его отец, Евгений Александрович Гарутт, умер. Не сохранилось того старого охтинского кладбища, на котором был захоронен он и его отец – дед Вадима. Родственники отца вернулись к себе на родину, во Францию, и связь с ними была потеряна еще до войны. После войны, вернувшись в Ленинград, Вадим хотел было зайти к вдове отца, но так и не собрался: то стеснялся своей старой потрепанной одежды, то времени из-за учебы не было. Вдова умерла, и с ее смертью были утеряны все документы и вещи его отца. В семье же матери документы отца были уничтожены еще раньше, так как в них упоминалось дворянское и иностранное его происхождение. Только в 90-е годы отцу встретилась книга «История воздухоплавания в России» П.Д. Дузя. Оказывается, в Москве, в Архиве истории воздухоплавания и авиации имеются некоторые документы его деда, Александра Елиазаровича Гарута. В них значится, что А.Е. Гарут, француз по национальности, поступил на русскую службу по инженерному ведомству в 1882 г., заведовал постройкой

подводных лодок Джевецкого и служил в минной мастерской в Кронштадте. В 1886 г. он перешел на службу в воздухоплавательную команду и был механиком учебного воздухоплавательного парка и сделал много ценных изобретений. После его смерти эту должность занял его сын, Евгений. Характер у Евгения был очень неуживчивый, и поссорившись с отцом на почве политических убеждений, он подставил к своей фамилии еще одну букву «т», чтобы не иметь, как ему казалось, ничего общего со своими родными, поэтому Вадиму фамилия перешла от отца, с написанием в ней двух «тт» – Гарутт.

Где познакомились Юлия и Евгений Гарутты в революционном Петрограде, отец не рассказывал, но в моей памяти сохранилось, что Евгений учился в одесской греческой гимназии вместе с будущим эстрадным певцом Юрием Морфесси. Юлия была в дружбе с Верой Холодной. Видимо, в богемных артистических кругах Петрограда они и повстречались. Дружеские связи с друзьями были очень тесными, если Евгений и Юлия назначили их заочно в крестные своему ребенку, который должен был родиться. Юлия мечтала, что если родится дочь, то она отдаст ее в балетное училище, и та будет балериной. Но ее мечте не суждено было сбыться: родился мальчик, который явно проявлял интерес ко всяким животным и коллекционированию. В своей комнате он устраивал импровизированный музей, где в баночках на полках сохранялись всякие беспозвоночные. Собирал он их в Лахте, где его родные снимали дачу. В 1919 г. во дворце графа Стенбок-Фермора в Лахте открыли Лахтинскую экскурсионную биологическую станцию, чтобы школьники окрестных школ могли знакомиться с природой их области. Так однажды состоялась встреча Вадима с одним из своих будущих больших друзей и учителей в области биологии и музейного дела – Борисом Владимировичем Пестинским. Проходя по залам музея биологической станции, в отделе археологии области, в витрине он увидел коробочку с намытыми из культурного слоя косточками всяких мелких млекопитающих. Ему очень захотелось иметь хоть одну из них для своего домашнего музея. Служитель, видя такой интерес мальчика к костям, вызвал дежурного сотрудника, которым и оказался Борис Пестинский.

«Мальчик, это ты интересуешься костями?» – спросил его Пестинский и щедро отсыпал на

ладонь Вадима горсть косточек. «Приходи ко мне в зоопарк, я там основываю кружок юных зоологов, будешь заниматься в кружке и наблюдать за животными» – добавил он. Счастью Вадима не было предела, так как зоопарк находился тоже на Петроградской стороне, где он и жил со своими тетушками и мамой. Эта встреча в 1929 г. с руководителем клуба юных зоологов была очень знаменательной и счастливой. Их общение продлилось несколько лет, пока в 1932 г. не последовала высылка Б.В. Пестинского из Ленинграда в Узбекистан, но и тогда в письмах учитель помогал ему советами.

Борис Владимирович Пестинский окончил Академию художеств, которая после 1917 г. называлась «Петроградские государственные свободные художественно-учебные мастерские по классу живописи». Его руководителями были известные художники К.С. Петров-Водкин и Д.Н. Кордовский. Биолог-любитель зоологию изучал самостоятельно под руководством профессора Ленинградского университета А.А. Гавриленко. Он был талантливым педагогом и многому научил своих учеников на биостанции и в кружках зоологов. Под Ташкентом, в Бек-Буди (ныне г. Карши) он организовал первый серпентарий для разведения ядовитых змей и получения змеиного яда для лечебных сывороток.

Вадим заинтересовался рептилиями, и Пестинский порекомендовал ему начать работу по налаживанию зимовки зоопарковских холонокровных животных в естественных условиях с искусственными земляными укрытиями. Также он воспитал в нем интерес и прилежание к работе в библиотеках по изучению истории Петербургского зоопарка, так что можно продолжить стихотворные строки из поэмы о Бетти и студенте Вадиме, хотя до студенчества было еще далеко:

*«И студент Гарутт Вадим
Жил трудясь, как все другие,
И желанья он благие,
Как и все, в душе таил.
Был приветлив, скромен, мил,
И... попал в беду, как в сети:
Он, бедняк, влюбился в Бетти...
Стал искать он с Бетти встреч,
Но о чем велась речь
У него при этом с нею,
Я сказать ей-ей не смею,*

*Я боюсь попасть в беду.
Но скажу, что он в саду
У стены большого здания
Назначал не раз свиданья.
Бетти так была умна,
Так красива, так скромна,
Как никто на целом свете.
Словом, он влюбился в Бетти...»*

Бетти, упоминаемая в поэме А.П. Быстрова, была немолодой цирковой слонихой, которая чудом осталась живой в зоопарке в революционные лихолетья. Когда Пестинский уехал в ссылку в Узбекистан, то не осталось старшего наставника, который бы мог дальше руководить исследованиями Вадима, и он стал частенько навещать в слоновник, где простой рабочий, служитель Василий Буряк мог часами рассказывать ему о слонах. *«Что эти кабинетные профессора знают о слонах? Вот мы, практики...»* – говорил Буряк, и далее продолжались его интересные рассказы. Вадим все больше и больше увлекался этими гигантскими животными, много читал о них. На летней открытой площадке В. Буряк устраивал целые представления, он имел дар к дрессировке животных. Бетти сажала его себе на спину, качала на хоботе, и посетители зоопарка были в восторге. Они кидали на площадку монетки, а Бетти собирала их кончиком хобота и отдавала служителю. Буряк угощал ее морковью и свеклой, и все были довольны – и слон, и человек. Иногда служитель делал вид, что забыл поблагодарить слона, тогда Бетти осторожно хватала сторожа за ворот куртки и начинала его встряхивать. Слониха очень была привязана к своему служителю, ревновала его, когда в помещение заходил Вадим, и старалась вытолкнуть его хоботом.

Он уже оканчивал начальную школу и должен был перейти в пятый класс, как в один прекрасный день решил бросить учебу и стать сторожем у слона после того, как немного подрастет. Весь учебный год пятого класса он проводил до вечера в зоопарке у клеток с животными и у слоновника. Дома и в зоопарке сказал, что учится во вторую смену, а в школе сказал, что его перевели в другую школу. Все бы шло хорошо, если бы весной его мама не повстречалась со школьной учительницей сына. На вопрос Юлии Никифоровны об успехах сына учительница сделала круглые глаза и резонно ответила, что, насколько ей известно от Вадима,

он переведен мамой в другую школу. Побежали в школу, стали проверять: может, сам перевелся? Да нет, обман открылся: весь учебный год Вадим не посещал школу. Дома – слезы матери и ругань тетушек.

Решили нанять репетитора, чтобы за лето наверстать упущенное, нашли студента – третьекурсника Покровского педагогического института, начались занятия дома. Учитель и ученик уединялись в комнате Вадима, и родные тешили себя мыслью, что занятия идут нормально. Но однажды мама не выдержала: подсмотрела и подслушала в дверь. Каково же было ее разочарование, когда она увидела, что Вадим увлеченно рассказывает о животных, а деревенский парнишка-студент, раскрыв рот, слушает его. Так занятия обычно и проходили. Мама поняла, что из этого ничего путного не выйдет, и бросилась в зоопарк, к директору, профессору А.А. Гавриленко. Директор вызвал Вадима в кабинет и спросил его: *«Я слышал, что ты бросил учебу в школе. Чем же ты будешь заниматься?»*. *«Я хочу быть сторожем у слона»* – услышал он в ответ от Вадима. Директор еле сдержал улыбку и продолжал: *«Вадим, здоровье у тебя слабовато, а работа служителя тяжелая. И более того, мы набираем молодые кадры зоопарковских научных сотрудников. Вот придет молодой специалист из университета, и будет меньше тебя знать, а ты ему должен будешь подчиняться. Тебе это понравится? Вот что, иди учиться на рабфак, там взрослые учатся»*. Так Вадим Гарутт попал на рабфак при Педагогическом институте А.И. Герцена. Лет для поступления не хватало, но директор зоопарка похлопотал, и его приняли. Теперь он не мог не учиться, видя, как взрослые парни и девушки с мозолистыми руками сидят за учебными столами. На рабфаке школьные предметы преподавали известные ученые, университетские профессора: надо было быстро подготовить молодые рабочие кадры для поступления в университеты и институты.

В 1938 г., успешно сдав вступительные экзамены, Вадим Гарутт поступает на биологический факультет Ленинградского университета. Учеба шла не так легко, особенно не давалась математика. Два раза он проваливал экзамен. Выручила секретарь деканата: она дала ему направление к другому преподавателю. Дальше учиться стало интереснее и легче. Зоопарк он

не покидал и был уже помощником руководителя, написал первые работы по истории зоопарка.

Окончив второй курс университета и перейдя на третий, Вадим намечал много дел. Надо было помочь зоопарку в заготовке кормов для животных, но в июне свалилось неожиданное известие о начале войны, и вместо намеченных на лето дел надо было идти в военкомат. В военкомате комиссар, заинтересовавшись происхождением его фамилии, допытывался – кто был его отец по национальности. Узнав, что француз, зачеркнул национальность «русский» в его паспорте и красным карандашом вывел напротив его фамилии в списке – «француз». Его и группу новобранцев отправляли с Варшавского вокзала в составе строительного национального батальона. В нем были немцы, поляки, жители прибалтийских республик, финны русского происхождения.

В первые месяцы войны они были подвергнуты бомбежкам под Тихвином, и в одной из них, в начале сентября, Вадима контузило, он попал в госпиталь. Позднее, будучи в Ташкенте, из писем родных узнал, что в первую сентябрьскую бомбежку под обломками слоновника погибла слониха Бетти. Этот большой зверь погиб не сразу: трое суток кричала Бетти под обломками здания, а на голове слона запечатлелась черная дорожка от ее слез. В блокадном Ленинграде 2 февраля 1942 г. умерла от голода и его мама, Юлия Никифоровна Гарутт.

В Ташкент он попал после того, как получил месячный отпуск после контузии. Ленинград к тому времени был уже в блокадном кольце, и домой невозможно было приехать. Тогда Вадим решил ехать эшелонами к тетке в Ташкент и добирался целый месяц. Приехал он к тете Леле крайне истощенный, и там его свалил сыпной тиф. Когда пришел в военкомат после болезни, получил еще полгода отпуска на поправку. Чтобы не терять время, восстановился на учебу в местном университете: Вадим предусмотрительно захватил с собой зачетную книжку. Когда же он снова по истечении полугодового отпуска пришел в военкомат, и там узнали, что он – студент третьего курса, то сообщили, что студенты третьего курса призыву не подлежат.

Три курса (с третьего по пятый) Вадим проучился в Ташкентском университете. Там преподавали в эвакуации известные московские и ленинградские ученые-антропологи,

палеонтологи, биологи, которые заметили интерес студента к историческим наукам и всячески его поощряли. Антрополог Л.В. Ошанин познакомил его с московским антропологом М.М. Герасимовым. Герасимов предлагал ему заниматься под его руководством реконструкциями по черепам древних людей, но Вадим отклонил предложение своего наставника, так как был уже увлечен изучением природы древнего человека и плейстоценовой фауны. Особенно его заинтересовала морфология шерстистого мамонта. К изучению более древних слонов он придет позднее, а пока он вечерами работал сначала на ремонтном заводе, потом – в университетской лаборатории и одновременно учился. Много времени он просиживал в центральной библиотеке, где в самодельных тетрадах делал выписки и конспекты не только по палеонтологии, но и по музееведению.

В 1945 г. Он вернулся в Ленинград по вызову из Ленинградского университета. Ему предложили повторить пятый курс, сдать по специальности экзамены, так как программы университетов расходились, после чего защитить диплом в своем университете. Так он и поступил, и в 1946 г. закончил учебу в Ленинградском университете, где защитил диплом по теме «Опыт пластической реконструкции внешнего облика шерстистого мамонта». Академик Ю.А. Орлов, директор Палеонтологического института АН СССР, свел его с профессором А.П. Быстровым, который стал в дальнейшем руководителем его кандидатской диссертации.

Находка в 1948 г. на Таймыре полного скелета шерстистого мамонта и большой интерес Вадима к его изучению дали возможность поступить ему на работу в Зоологический институт Академии наук, где он и трудился до очень преклонных лет, даже уже находясь на пенсии. Выехать на раскопки Таймырского мамонта ему не удалось, так как его быстро оттеснили в сторону московские академические корифеи. Но это позволило ему закрепиться в Зоологическом институте, первоначально на временных должностях. В 1950 г. Вадим успешно поступает в аспирантуру Ленинградского Зоологического института АН СССР и уже на постоянную работу в должности лаборанта-экскурсовода музея, а также ученым секретарем комитета по мамонтам. Более десяти лет были отданы им музею. Проявились

Рис. 1. В.Е. Гарутт рядом с черепом азиатской слонихи по кличке «Бетти».

Fig. 1. V.E. Garutt near the skull of the Asian elephant by name «Betty».

его замечательные способности к монтировке скелетов древних слонов. В дальнейшем он помогал в этом и региональным краеведческим музеям. Под его руководством смонтированы скелеты древних слонов и носорогов в краеведческих музеях Тбилиси, Ставрополя, Азова и других городах.

В декабре 1952 г. на ученом собрании Зоологического института состоялась защита В.Е. Гаруттом кандидатской диссертации, посвященной сравнительной анатомии кисти ископаемых слонов в эволюционном их аспекте. Защита диссертации не была гладкой, были споры и контраргументы, но в итоге защита была утверждена. Перед защитой Вадим Евгеньевич сильно волновался: ведь его научный руководитель А.П. Быстров находился в тот момент в больнице, но Гарутт получил от него ободряющую открытку.

В 1961 г. Вадим успешно прошел по конкурсу, получил аттестат старшего научного сотрудника

и вскоре был переведен в лабораторию млекопитающих Зоологического института АН СССР, где и работал почти до конца своей жизни (Рис. 1).

Как-то директор Зоологического института АН СССР, академик Б.Е. Быховский, предложил Гарутту написать книгу о мамонтах в научно-популярной серии академических изданий. Такая рукопись быстро была подготовлена и отправлена редактору. Каково же было удивление Вадима Евгеньевича, когда валяжный и гладкий, как кот, издательский сотрудник, развалившись в своем кресле, сказал: *«Поверьте мне, книжному волку, что ваша книга не будет иметь успеха у читателя. Сейчас – век атома, космонавтики, и куда вы лезете со своими вымершими мамонтами?»*. Пришлось, стиснув зубы, проглотить оскорбления и предложить рукопись немецкому изданию известной бремовской библиотеки, которая с большим интересом была принята их издательством и вышла на немецком языке. Эта книга до сих пор пользуется спросом среди специалистов, но, к сожалению, так и не переиздана на русском языке.

Новые замечательные находки костей и зубов крупных млекопитающих из Ливенцовского карьера в Ростовской области, карьеров Ставрополя и других мест юга России дали возможность изучить их совместно с сотрудниками краеведческих музеев. На основе этих коллекций были написаны важные научные работы по изучению древних слонов, которые по достоинству оценены отечественными и зарубежными исследователями. Много лет Гарутт осуществлял научное руководство в работах сотрудников краеведческих музеев и научных институтов. Одна из его старинных и преданных учениц, Вера Северьяновна Байгушева, продолжает изучение древних слонов.

Тесное научное сотрудничество поддерживал В.Е. Гарутт с археологами и не раз выезжал в экспедиции, где помогал археологам в определении костных остатков, на месте обучал молодых археологов, помогал сохранить научные объекты.

Неоценимый научный вклад был сделан В.Е. Гаруттом в систематике хоботных плейстоцена и использовании этих данных для расчленения и датирования древних осадочных ледниковых и послеледниковых отложений. В

90-х гг. по инициативе В.Е. Гарутта комитетом по международной систематике был принят эталон шерстистого мамонта, коим стало научное описание таймырского мамонта.

Не количеством написанных печатных работ может измеряться научный вклад ученого (при определенных обстоятельствах их может быть и немного), важно, как сами ученые оценивают его.

Исследователями всего мира был по достоинству оценен научный вклад Вадима Евгеньевича Гарутта в деле изучения шерстистого мамонта и ископаемых эоплейстоценовых и неоплейстоценовых слонов. Его обширный научный архив вошел в собрание архивных документов Азовского музея-заповедника как признание его многолетнего и плодотворного научного сотрудничества с музеем.

Справочный материал

Быстров Алексей Петрович (1899–1959) – ученый, анатом, палеонтолог, профессор кафедры палеонтологии в Ленинградском университете.

Быховский Борис Евсеевич (1908–1974) – советский ученый, зоолог, паразитолог, академик АН СССР, директор Зоологического института АН СССР.

Герасимов Михаил Михайлович (1907–1970) – известный антрополог, разработавший методику восстановления лица человека по черепу.

Морфесси Юрий Спиридонович (1882–1949) – известный российский эстрадный и оперный певец греческого происхождения.

Орлов Юрий Александрович (1893–1966) – российский ученый, академик, специалист в области сравнительной морфологии нервной системы животных, палеоневрологии, в 1945–1966 годах – директор Палеонтологического института АН СССР.

Ошанин Лев Васильевич (1884–1962) – ученый, антрополог, врач, основатель кафедры антропологии в Ташкентском университете.

Пестинский Борис Владимирович (1901–1943) – живописец, герпетолог, педагог, организатор школы юных зоологов при Ленинградском зоопарке.

Холодная Вера Васильевна (1893–1919) – российская актриса немого кино.